Задания муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе

10 класс

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

1. Аналитическое задание.

Проведите целостный анализ текста – прозаического **ИЛИ** поэтического (на выбор).

Проза: выполните целостный анализ текста, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности развития действия, специфику авторской позиции, особенности повествовательной структуры, характеристика героев и их функции, речевая характеристика героев, детальные подробности, сопровождающие повествование.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Юрий Олеша

Лиомпа

Мальчик Александр строгал на кухне планки. Порезы на пальцах у него покрывались золотистыми съедобными корками.

Кухня выходила во двор; была весна, двери не закрывались, у порога росла трава, блестела пролитая на камень вода. В сорном ящике появлялась крыса. В кухне жарили мелко нарезанную картошку. Зажигали примус. Жизнь примуса начиналась пышно: факелом до потолка. Умирал он кротким синим огоньком. В кипятке прыгали яйца. Один жилец варил раков. Живого рака брал он двумя пальцами за талию. Раки были зеленоватого, водопроводного цвета. Из крана вылетали вдруг сами по себе две-три капельки. Кран тихо сморкался. Потом наверху заговаривали несколькими голосами трубы. Тогда сразу определялись сумерки. Один лишь стакан продолжал сиять на подоконнике. Он получал сквозь калитку последние лучи солнца. Кран разговаривал. Вокруг плиты начиналось разнохарактерное шевеление и потрескивание.

Сумерки были прекрасны. Люди ели подсолнухи, раздавалось пение, комнатный жёлтый свет падал на тротуар, ярко озарялась съестная лавка.

В комнате, по соседству с кухней, лежал тяжело больной Пономарёв. Он лежал в комнате один, горела свеча, флакон с лекарством стоял над головой, от флакона тянулся рецепт.

Когда приходили к Пономарёву знакомые, он говорил:

– Поздравьте меня, я умираю.

К вечеру у него начинался бред. Флакон смотрел на него. Рецепт тянулся, как шлейф. Флакон был бракосочетающейся герцогиней. Флакон назывался «тезоименитство». Больной бредил. Он хотел писать трактат. Он разговаривал с одеялом.

– Ну, как тебе не стыдно?.. – шептал он.

Одеяло сидело рядом, ложилось рядом, уходило, сообщало новости.

Больного окружали немногие вещи: лекарство, ложка, свет, обои. Остальные вещи ушли. Когда он понял, что тяжело заболел и умирает, то понял он также, как велик и разнообразен мир вещей и как мало их осталось в его власти. С каждым днём количество вещей уменьшалось. Такая близкая вещь, как железнодорожный билет, уже стала для него невозвратимо далёкой. Сперва количество вещей уменьшалось по периферии, далеко от него; затем уменьшение стало приближаться всё скорее к центру, к нему, к сердцу – во двор, в дом, в коридор, в комнату.

Сперва исчезновение вещей не вызывало в больном тоски.

Исчезли страны, Америка, возможность быть красивым или богатым, семья (он был холост)… К исчезновению этих вещей болезнь не имела никакого отношения: они ускользали по мере того, как он старел, – а настоящая боль пришла тогда, когда ему стало ясно, что и те вещи, которые постоянно двигались вровень с ним, также начинают удаляться от него. Так, в один день покинули его улица, служба, почта, лошади. И тут стремительно пошло исчезновение рядом, под боком: уже ускользнул из власти его коридор, и в самой комнате, на глазах у него, прекратилось значение пальто, дверной задвижки, башмаков. Он знал: смерть по дороге к нему уничтожает вещи. Из всего огромного и праздного их количества смерть оставила ему только несколько, и это были те вещи, которых он никогда бы, если бы это было в его власти, не допустил в своё хозяйство. Он получил подсов. Он получил страшные посещения и взгляды знакомых. Он понял, что не в силах защищаться против вторжения этих непрошеных и ненужных, как ему всегда казалось, вещей. Но теперь они были единственны и непреложны. Он потерял право выбирать вещи.

Мальчик Александр делал летающую модель.

Мальчик был гораздо сложнее и серьёзнее, чем думали о нём остальные. Он резал пальцы, истекал кровью, сорил стружками, пачкал клеем, выпрашивал шёлк, плакал, получал подзатыльники. Взрослые признавали себя абсолютно правыми. А между тем мальчик действовал совершенно по-взрослому, больше того, – он действовал так, как может действовать только некоторое количество взрослых: он действовал в полном согласии с наукой. Модель строилась по чертежу, производились

вычисления, – мальчик знал законы. Он мог бы противопоставить нападкам взрослых объяснение законов, демонстрацию опытов, но он молчал, потому что не считал себя вправе показаться более серьёзным, чем взрослые.

Вокруг мальчика располагались резиновые жгуты, проволока, планки, шёлк, лёгкая чайная ткань шёлка, запах клея. Сверкало небо. Насекомые ходили по камню. В камне окаменела ракушка.

К работающему мальчику подходил другой мальчик, совсем маленький, голый, в синих трусах. Он трогал вещи и мешал. Александр гнал его. Голый резиновый мальчик ходил по дому, по коридору, где стоял велосипед. (Велосипед педалью был прислонён к стене. На обоях педаль провела царапину. На этой царапине как бы и держался велосипед у стены.)

Маленький мальчик приходил к Пономареву. Голова малыша маячила над бортом кровати. У больного виски были бледные, как у слепого. Мальчик подходил вплотную к голове и рассматривал. Он думал, что в мире всегда было и бывает так: бородатый человек лежит в комнате на кровати. Мальчик только вступил в познавание вещей. Он не умел ещё различать разницу во времени их существования.

Он повернулся и стал ходить по комнате. Он видел паркетные плитки, пыль под плинтусом, трещины на штукатурке. Вокруг него слагались и распределялись линии, жили тела. Получался вдруг световой фокус, – мальчик спешил к нему, но едва успевал сделать шаг, как перемена расстояния уничтожала фокус, – и мальчик оглядывался, смотрел вверх и вниз, смотрел за печку, искал – и растерянно разводил руками, не находя. Каждая секунда создавала ему новую вещь. Удивителен был паук. Паук улетел при одной мысли мальчика потрогать паука рукой.

Уходящие вещи оставляли умирающему только свои имена.

В мире было яблоко. Оно блистало в листве, легонько вращалось, схватывало и поворачивало с собой куски дня, голубизну сада, переплёт окна. Закон притяжения поджидал его под деревом, на чёрной земле, на кочках. Бисерные муравьи бегали среди кочек. В саду сидел Ньютон. В яблоке таилось множество причин, могущих вызвать ещё большее множество следствий. Но ни одна из этих причин не предназначалась для Пономарёва. Яблоко стало для него абстракцией. И то, что плоть вещи исчезала от него, а абстракция оставалась, – было для него мучительно.

«Я думал, что мира внешнего не существует, – размышлял он, – я думал, что глаз мой и слух управляют вещами, я думал, что мир перестанет существовать, когда перестану существовать я. Но вот… я вижу, как всё отворачивается от ещё живого меня. Ведь я ещё существую! Почему же вещи не существуют? Я думал, что мозг мой дал им форму, тяжесть и цвет, – но

вот они ушли от меня, и только имена их – бесполезные имена, потерявшие хозяев, – роятся в моём мозгу. А что мне с этих имён?»

С тоской смотрел Пономарёв на ребёнка. Тот ходил. Вещи неслись ему навстречу. Он улыбался им, не зная ни одного имени. Он уходил, и пышный шлейф вещей бился за ним.

– Слушай, – позвал ребёнка больной, – слушай… Ты знаешь, когда я умру, ничего не останется. Ни двора, ни дерева, ни папы, ни мамы. Я заберу с собой всё.

На кухню проникла крыса.

Пономарёв слушал: крыса хозяйничает, стучит тарелками, открывает кран, шуршит в ведре.

«Эге, она судомойка», – подумал Пономарёв.

Тут же в голову пришла ему беспокойная мысль, что крыса может иметь собственное имя, неизвестное людям. Он начал придумывать такое имя. Он был в бреду. По мере того как он придумывал, его охватывал всё сильнее и сильнее страх. Он понимал, что во что бы то ни стало надо остановиться и не думать о том, какое имя у крысы, – вместе с тем продолжал, зная, что в тот самый миг, когда придумается это единственное бессмысленное и страшное имя, – он умрёт.

– Лиомпа! – вдруг закричал он ужасным голосом.

Дом спал. Было раннее утро – начало шестого. Не спал мальчик Александр. Дверь из кухни была открыта во двор. Солнце было ещё где-то внизу.

Умирающий шёл по кухне, согнувшись в животе и вытянув руки с повиснувшими кистями. Он шёл забирать вещи.

Мальчик Александр бежал по двору. Модель летела впереди него. Это была последняя вещь, которую увидел Пономарёв.

Он не забрал её. Она улетела.

Днём в кухне появился голубой, с жёлтыми украшениями гроб. Резиновый мальчик смотрел из коридора, заложив за спину руки. Пришлось долго и всячески поворачивать гроб, чтобы пронести в дверь. Задели полку, кастрюлю, посыпалась штукатурка. Мальчик Александр влез на плиту и помог, поддерживая ящик снизу. Когда гроб проник наконец в коридор, сделавшись сразу чёрным, резиновый мальчик, шлёпая сандалиями, побежал впереди.

– Дедушка! Дедушка! – закричал он. – Тебе гроб принесли.

1928

Поэзия: проведите поэтический анализ стихотворения Арсения Тарковского «Поэт», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: соотношение окружающего мира и мира лирического субъекта; специфику изображения художественного пространства; особенности поэтической организации. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Арсений Тарковский

Поэт

Жил на свете рыцарь бедный...

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задёрганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой на пике.

Оперённый рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, –
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Чёрный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.
1963

2. Творческое задание

Прочитайте сонет Леонида Сергеева. Определите авторов, о которых идёт речь в 7 и 8 строфе. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу. Составьте комментарии к следующим историко-культурным реалиям:

Петрарка, Хайям, Шекспир, шедевр, сонет, рубаи.

О, наш 20 трудный век...

О, наш XX трудный век,
Все было, то ли еще будет.
Уж больно сложен человек,
А так охота выйти в люди,

Я б с удовольствием в эфир
Исполнил вечные куплеты,
Но есть уже "Война и мир",
Но есть Петраркины "Сонеты"

Но есть Хайямы "Рубаи",
Шекспира есть стихотворенья,
Я б сочинил стихи свои,
Но не хватает соображенья,

И мысль пришла ко мне сама,
Когда я сник от неудачи,
Коль недостаточно ума,
То надо облегчить задачу.

Берутся классика стихи,
Кладутся на аккордов пару,
И вот шедевр звучит в эфир
Без разделенья гонорара,

Коль так, даешь эксперимент,
Даешь шедевров звука кучу
Всех классиков в один момент
Элементарно я озвучу.

Прибежали в избу дети, с ними дядька Черномор,
Выпьем с горя, где же кружка, загудел могучий бор.
Ревет и стонет Днипр широкий в тумане моря голубом
Я нынче стал нестойкий, я что-то стал нестойкий
Кровавую пищу клюю за окном.

Мороз и солнце - день чудесный, а мачта гнется и скрипит,
Я Вас любил так искренно, так нежно, ах, Ольга, я тебя любил.
Он, наконец, явился в дом, наказан был порок
И вырвал грешный мой язык и лучше выдумать не мог.

О, наш XX, трудный век,
Все было, то ли еще будет,
Уж больно сложен человек,
А так охота выйти в люди.